

— Душа покинула тело... Что ж, а как жить без души? — Инь Шоу горько усмехнулся.

Чжоу-ван умер, потому что его душа исчезла, и теперь Инь Шоу занимал его место. И этот щенок... он тоже лишился духа. Смерть была странной, пугающей — науке такое не под силу объяснить. Впрочем, и его собственное перемещение в это тело логике не поддавалось. Как вообще можно объяснить подобное?

Связав в уме эти два события, Инь Шоу на мгновение лишился дара речи. Он замер, не сводя глаз с придворного лекаря. Тот согнулся в три погибели, обливаясь холодным потом. В зале воцарилась мертвая тишина; подданные боялись даже вздохнуть, ожидая, что в следующий миг Великий Ван прикажет страже отрубить лекарю голову.

Лишь Дацзи сохраняла ледяное спокойствие. Глядя на лекаря, она холодно спросила:

— Как это — душа покинула? Ты всё как следует проверил?

— Отвечаю... отвечаю Ниннян, — голос лекаря дрожал, — я осмотрел его несколько раз. Ран нет, яда нет... Смерть наступила совершенно необъяснимо...

— Значит, это твоё искусство никуда не годится! — Дацзи обернулась к слугам. — Идите и приведите другого лекаря!

— Хватит! — Инь Шоу наконец заговорил. — Оставьте это. Похороните его.

Он устало махнул рукой. Чувство глубокого изнеможения накрыло его с головой. Светлое будущее, которое он только начал рисовать в воображении, в один миг омрачилось безысходностью. Последний лучик радости в его новой жизни погас.

Его охватила невыносимая горечь. Инь Шоу больше не смотрел на мертвого щенка и ни на кого вокруг. Опустив голову, он мрачно вышел из покоев.

Дацзи велела слугам закопать собаку и тотчас последовала за ним.

Утренняя трагедия стала для Инь Шоу тяжелым ударом. Аппетит пропал, и он бесцельно бродил по дворцу, то и дело вспоминая вчерашних щенков — то, как они забавно неуклюже ползали и тявкали. Чем ярче были эти воспоминания, тем жестче казалась реальность. Инь Шоу грызла совесть: жила себе собачья семья, и если бы не его минутная прихоть, мать была бы жива, а пятеро кутят не сгинули бы без следа.

«Всё из-за меня, — терзался он. — Одна ошибка — и шесть жизней оборвались. В чем они-то были виноваты?»

Глаза покраснели, в горле стоял комок. Инь Шоу всегда был человеком впечатлительным, способным искренне горевать даже из-за смерти собаки.

Дацзи, следовавшая за ним на расстоянии, видела Чжоу-вана совершенно раздавленным. Она проявила редкую для неё чуткость и не стала лезть с утешениями, просто наблюдая издали. Когда Инь Шоу, окончательно выбившись из сил, присел на большой валун, она замерла.

Для неё это «сидение в забытьи» было подобно грому среди ясного неба.

Это же Чжоу-ван! Тот самый тиран! Разве может он вот так просто горевать? Чжоу-ван умел только свирепствовать. Обычный Ван уже велел бы казнить всех причастных, залив дворец кровью, но этот — не стал. Обычный Ван не стал бы возиться со щенками, но этот — возился.

Дацзи всматривалась в его силуэт, и ей мерещилось в его облике нечто странное... нечто, похожее на милосердие. С чего бы ему становиться таким мягким? Неужели это действительно он?

Весь день Инь Шоу провёл в мрачном настроении.

Ю Хунь, узнав о странной гибели щенков, решил выслужиться и велел разыскать новых. Он надеялся порадовать господина, но едва Инь Шоу увидел принесенных собак, как пришел в неописуемую ярость:

— Кто позволил тебе их тащить?! Да как ты посмел?! Разве я не сказал — больше никаких щенков! Ты что, опять убил их мать?! Клянусь, я велю отрубить твою никчемную башку прямо сейчас!

Гнев выплескивался наружу колючими, злыми словами. Стать истинного правителя и яростный взор Инь Шоу напугали Ю Хуня до икоты. Он рухнул на колени, моля о пощаде, а стражники, тащившие корзины, распластались по земле, дрожа под натиском царского гнева.

— Верни их назад! — прошипел Инь Шоу сквозь зубы. — Если ещё раз притащишь во дворец живое существо, я вас всех велю казнить!

Подгоняемые страхом, Ю Хунь и его люди поспешно убрались прочь. Инь Шоу смотрел им в спину, и он всё сильнее ярился. Как же он был глуп. Он — правитель, и у него не должно быть привязанностей! Стоит ему проявить интерес к чему-либо, как подхалимы тут же кинутся исполнять желания, совершая подлости и жестокости, а все грехи в итоге падут на его голову.

Инь Шоу не знал, сколько злодеяний совершил прежний Чжоу-ван, но сам он мириться с подобным не желал.

В эти дни он даже Дацзи не хотел видеть. Однако наложница продолжала мелькать перед

глазами, пока терпение Инь Шоу не подошло к концу. Впрочем, он сдержался — рука не поднималась расправиться с женщинами прежнего хозяина тела.

В его гареме были тысячи красавиц, но Дацзи старательно избавлялась от них: кого губила, кого отправляла в Холодный дворец, кого выгоняла вон. Теперь она безраздельно властвовала в покоях Вана, но Чжоу-ван вдруг изменился и с каждым днем становился к ней всё холоднее.

Дацзи не могла заставить его полюбить себя, и это её не на шутку тревожило.

Она пыталась понять: пока щенки были живы, Инь Шоу ещё перекидывался с ней парой слов и даже улыбался. Теперь же он не желал даже заговаривать, а его отвращение невозможно было скрыть. Наложница всерьез опасалась, что одной фразой он сошлет её в Холодный дворец доживать свой век в одиночестве. И хотя «Дацзи» была лишь человеческой оболочкой, она была крайне полезна — лисица годами выстраивала связи при дворе. Будет катастрофой, если всё пойдет прахом сейчас.

Синьюэ Ху лихорадочно соображал. Ван любил собак, но когда Ю Хунь принес новых, тот в ярости прогнал его. Значит ли это, что его любовь прошла? Или дело в чем-то другом? Дух лисицы вспомнил, как Ван упоминал некую панду по имени Маньмань. Видимо, панды ему по душе, но где её взять? Синьюэ Ху и в глаза их никогда не видел.

Мысли лиса вернулись к себе самому. Есть собаки, есть панды... а нравятся ли ему лисы? Синьюэ Ху привык соблазнять Вана, используя тело Дацзи, но сейчас Инь Шоу явно испытывал к наложнице неприязнь. Если навязываться и дальше, можно действительно оказаться в немилости. Лисий дух решил на пару дней оставить оболочку Дацзи в покое и явиться к Вану в своём истинном облике, чтобы выведать, что у того на уме.

Ночью на небе воссияла полная луна.

Инь Шоу мучился от неясной тревоги. В последнее время его не покидало чувство бессилия. Казалось, быть Ваном — вовсе не значит делать что хочешь; порой он чувствовал себя более скованным, чем обычный человек. Что толку в роскошных одеждах и власти, если у него нет амбиций завоевателя? Тем более что царство на грани гибели. А теперь он даже не мог позволить себе простого увлечения, боясь, что слуги используют это как повод для новых бесчинств.

Он ворочался с боку на бок, терзаемый мрачными мыслями. Прошел почти месяц с его появления в этом мире, а он ни разу не был на совете. Днем спал, ночью бодрствовал. Наконец, не выдержав духоты покоев, Инь Шоу набросил верхнее платье и вышел наружу.

Стражники и слуги тут же склонились в поклоне, но он лишь отмахнулся, велел им оставаться на местах и не следовать за ним. В одиночестве он отправился бродить по ночному дворцу.

Подобные ночные прогулки Вана уже никого не удивляли, поэтому охрана послушно осталась стоять.

Инь Шоу дошел до Императорского сада. Повсюду горели фонари, заливая дорожки мягким светом. Но за пределами этих пятен сад казался иным: тени, колышимые ветром, изгибались и плясали, напоминая призраков. Стало неудобно.

В ночной тишине, нарушаемой лишь шелестом листвы, вдруг раздалось жалобное кошачье мяуканье. В пустом саду от этого звука Инь Шоу вздрогнул. Ветер дохнул холодом, и ему почудилось, что за спиной кто-то есть. Он не оборачивался, но воображение уже рисовало жутких демонов.

«И зачем я только вышел? Сидел бы в тепле...» — Инь Шоу пожалел о своей затее. Сад был огромным и, в отличие от жилых покоев, почти не охранялся. Вокруг не было ни души.

Он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Чувство было настолько острым, что его невозможно было игнорировать. Словно хищник следил за добычей, выжидая момент, когда та бросится бежать, чтобы прыгнуть и перегрызть горло. Инь Шоу заставил себя успокоиться. «Я — Чжоу-ван! — твердил он себе. — Я не могу погибнуть так нелепо! Моё время ещё не пришло!»

Собрав волю в кулак, он резко развернулся. Его движение было настолько стремительным, что таинственная сила, давившая на него, кажется, сама отпрянула от неожиданности.

Инь Шоу всмотрелся в темноту. Никакого чудовища.

Там, в серебристом свете луны, сидел лис. Белоснежный лис! И у него было множество хвостов!

— Девятихвостый лис! — невольно воскликнул Инь Шоу.

Зверь замер, уставившись на него с явным изумлением, словно пораженный тем, что человек узнал его истинную сущность.

Инь Шоу тоже остолбенел. Девятихвостый лис во дворце... значит, это Дацзи? Или её сородич? А может, тот самый дух, что живет в её теле? Или просто волшебное существо, ещё не умеющее принимать человеческий облик?

Человек и лис молча смотрели друг на друга в холодном лунном сиянии. Лис помедлил мгновение, а затем грациозно развернулся и скрылся в тенях.

— Эй! — Инь Шоу сделал пару шагов вслед, но белая тень мгновенно растаяла в ночи.

На душе стало пусто и одиноко. Лис был необычайно красив: мех сиял белизной, а он выглядел разумным. Инь Шоу не мог понять, был ли это тот самый дух из Дацзи или просто лесной гость, но встреча оставила странный след в его сердце.

Оставшись один в пустом саду, Инь Шоу почувствовал, как накатывает тоска. Он вернулся в свои покои, ощущая себя золотой птицей в клетке, потерявшей свободу, мечты и даже право на простую радость.

Кроме как ждать финала, что ему ещё оставалось делать?

<http://bllate.org/book/17393/1656950>